

«ПРЕОБРАЗИВШИСЬ В СВЕТОВУЮ НИТЬ...»

Интервью

В 2021 году исполняется 25 лет со дня убийства поэта, философа, первого заместителя гендиректора по экономике АО «Омскишина», депутата Законодательного собрания Омской области Олега Чертова (1958-1996). Предлагаем вниманию наших читателей интервью, взятое главным редактором журнала «Менестрель» Андреем Козыревым у вдовы поэта **Татьяны Юрьевны Чертовой**.

А.К. В своей пушкинской речи Ф.М.Достоевский отметил, что Пушкин для России – явление не только чрезвычайное, но и пророческое, и его тайна – не только в том, что он сказал и сделал, но и в том, чего он не успел сказать. «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем», – писал классик. Такая же тайна осталась нам в наследство от многих поэтов, ушедших из жизни слишком рано, – Михаила Лермонтова, Николая Гумилёва, множества поэтов «свинцового» XX века. Убийство Олега Чертова в последний день високосного февраля 1996 года стало такой же тайной, которую мы, наследники нескольких поколений убитых поэтов, давно уже пытаемся разгадать. И приблизиться к разгадке этой тайны невозможно без диалога с людьми, духовно близкими поэту, разделившими с ним его путь, подвиг и жертву.

Олег Чертов при жизни не публиковал своих стихов, о том, что он их *пишет*, изначально знали только Вы. И только Вы имели возможность наблюдать творчество Олега вблизи. Как проходил у него творческий процесс, как возникали стихи?

Т.Ч. К написанию стихов Олег относился серьёзно. Много правил, вычёркивал. Я дарила ему открытки, которые диктовали какое-то настроение. Открытки с репродукциями Брейгеля, других старых художников, открытки с видами Грузии и так далее. Потом мы гуляли по набережной, по Зелёному острову. Он вышагивал стихи ритмически, читал их вслух, смотрел на мою реакцию. Говорил: «Я сверяю стихотворения по тебе».

А.К. Насколько труден, по-вашему, этот путь – быть женой поэта, его спутницей, собеседницей и наследницей?

Т.Ч. Это большая честь и ответственность. И без любви тут ничего не возможно было бы. После 1996 года действовать надо было без оглядки. Потому что Олег ушёл, а я должна жить за двоих, доносить до людей его мысли, его поэзию.

А.К. Чем стал для вас этот путь – стеснительными цепями или световой нитью во тьме, о которой писал в стихах Ваш муж?

Т.Ч. Конечно, световой нитью. Если бы этого не было, я не представляю, как бы мне жилось без Олега. Эту связь с ним я чувствую по сей день.

А.К. Какие стихотворения Вашего мужа нравятся больше всего лично Вам? Были ли у Вас периоды, когда какие-то стихи нравились Вам больше, а потом им на смену приходили другие?

Т.Ч. Я люблю все его стихотворения. И порою я вижу, что какие-то конкретные строчки отражают день сегодняшней, а Олег написал их много лет назад. Однажды он сказал: «Я чувствую, понимаю, что эти стихи мне надиктованы».

А.К. Какие стихотворения Олега, с Вашей точки зрения, наиболее актуальны сейчас?

Т.Ч. Мы сейчас на пороге таких серьёзных событий, что важно не то, что вскрыли в своё время стихи Олега, а то, как мы сами продолжим и закончим свой жизненный путь.

А.К. Свою диссертацию «Гуманизм оксфордских реформаторов» Олег защищал в Ленинграде. В атмосфере Северной столицы совершалось его формирование как поэта, мыслителя и человека. Насколько тесна, с Вашей точки зрения, была его эстетическая и нравственная связь с культурой Петербурга? Что было причиной этого духовного тяготения?

Т.Ч. Олег очень любил Питер, досконально знал его историю, архитектуру, топонимику. Как-то мы шли по Дворцовой площади. Олег поднял глаза и сказал: «Почему-то люди всегда смотрят под ноги, и никто не хочет увидеть Ангела». Он очень часто смотрел на небо.

А.К. Велико влияние на Олега грузинской культуры. Не раз он называл Грузию своей духовной родиной. Что, с Вашей точки зрения, привлекло его в первую очередь в грузинской культурной традиции?

Т.Ч. Олег познакомился со своими грузинскими друзьями на научной конференции. И они очень подружились. Грузия была для нас своеобразной отдушиной. Когда мы приехали в Тбилиси, как гостеприимно нас принимали! Каждое застолье превращалось в пир. Нам в неурочное время открывали двери музеев, давали подержать в руках картины Пиросмани. Это было удивительно! Друг Олега Бидзина Рамишвили вспоминал о тех встречах: «Олег Чертов оставил неизгладимый след в сознании молодых грузинских интеллектуалов периода 80-х и 90-х годов прошлого века. В Тбилиси его знали как "странного молодого человека из Сибири". Странного – потому что немногим из нас доводилось встречаться с такой яркой и сильной личностью».

А.К. Почему Олег, имея столько возможностей остаться в любимых им Ленинграде или Грузии, всё-таки остался в Омске? Было ли что-то, что духовно притягивало его на родной земле?

Т.Ч. Олег же не один был. На нашей ответственности были мама Олега, мои родители. Мы не могли их оставить. На малой родине его многое притягивало. Например, мы часто гуляли по улицам в центре города, на месте которых находились когда-то старая крепость, плац, Мёртвый дом. Олег говорил: «Представляешь, по этой земле ходил Фёдор Михайлович!» Достоевский был его любимым писателем. Многие из его прозы Олег знал наизусть, написал несколько работ о «Братьях Карамазовых». Можно вспомнить и об участии Олега в восстановлении Свято-Никольского мужского монастыря в селе Большекулачье. О знакомстве, а потом уже и

дружбе с настоятелем монастыря иеромонахом о. Виталием (Кларитским), который в 1996 году отпевал Олега. Батюшка и сегодня вспоминает их долгие беседы о Боге, о смысле жизни.

А.К. Известно, что Олег Чертов при жизни не стремился общаться с городским литературным сообществом. В чём, по-Вашему, заключается причина отсутствия контактов между Олегом и профессиональными литераторами нашего города?

Т.Ч. Олег был известным человеком в Омске. Был знаком с музыкантами, художниками, журналистами. А вот писателей так, наверное, и не повстречал. А может, и не догадывался о том, что в Омске имеются профессиональные литераторы. Более того, однажды сказал с иронией: «Я современных писателей как-то побаиваюсь».

А.К. Для чего ему нужно было сохранять эту дистанцию?

Т.Ч. Олег вообще был человеком дистанции, со всеми. И всё свободное время старался проводить с семьёй. Он очень ценил время, и встречи с чужими людьми всегда были ему не в радость. Никогда не был богемным человеком. Жил настолько насыщенной производственной, научной и творческой жизнью, что этого хватало ему за глаза.

А.К. В течение последних лет в Омске вышло несколько книг Олега, в частности, сборник стихотворений «Вновь стану светом» в издаваемой В. М. Физиковым серии «Поэзия омского Лукоморья», сборник стихов и статей «В мире Олега Чертова». Публикации, посвящённые Олегу, появляются в частных изданиях нашего региона, таких как «Тарские ворота» или «Менестрель». Тем не менее в официальных изданиях региональных писательских организаций, «Литературном Омске» и «Складчине», творчество поэта до сих пор не публиковалось. До сих пор не установлена памятная доска на доме, где жил и был убит Олег. Ситуация складывается противоречивая – очевиден сильный интерес к поэту со стороны читающей публики и насторожённое замалчивание со стороны официальных кругов. В чём, по-Вашему, заключается причина такой ситуации?

Т.Ч. В насторожённости эта причина и заключается. А также в непонимании сути и масштаба личности Олега. Его творчество по достоинству оценили Виктор Астафьев, Андрей Битов, Майя Никулина и другие замечательные прозаики и поэты, а также слависты с мировыми именами. Например, Вольфганг Казак (Германия). Но, как известно, нет пророка в отечестве своём.

А.К. Как относятся к Олегу в омском литературном сообществе? Правильно ли его понимают?

Т.Ч. Пушкина, каким бы очевидным он ни казался, все понимают по-разному. Отношение к его гибели тоже разное. Поэтому Александр Сергеевич у каждого свой, и Арсений Тарковский, и Владислав Ходасевич. Я не претендую на всеобщее понимание поэзии Олега. Нашёл читатель что-то для себя в его стихах – я уже радуюсь, уже хорошо.

А.К. Почему установленная им при жизни дистанция во многом сохраняется до сих пор?

Т.Ч. В позапрошлом году какие-то вандалы вырвали распятие Господа Бога нашего Иисуса Христа из памятника на могиле Олега. Как видите, не сохраняется дистанция – ни в буквальном, ни в мистическом смысле. Её просто рвут. Мне страшно за этих людей, страшно – что с ними дальше будет.

А.К. В чём, по-вашему, заключается основное значение наследия Олега для Омского региона – духовное и эстетическое?

Т.Ч. Не думаю, что Олег стремился оставить наследие для региона. А чтобы понять его значение, читайте его стихи, дневники, литературоведческие статьи. В конце концов, его перевод книги Эразма Роттердамского «О приуготовлении к смерти». Очень полезная, поучительная сегодня книга.

А.К. История не знает сослагательного наклонения, но при изучении биографии Олега Чертова невольно возникают вопросы – кем бы мог стать Олег, останься он в живых? Продолжил бы он работу в политике

или в бизнесе? Или, может быть, оставил их и занялся философией?

Т.Ч. Олег не хотел уже заниматься ни политикой, ни бизнесом. Он хотел писать докторскую диссертацию о Шекспире. Хотел стать частным лицом.

А.К. Является ли Олег нашим современником – в духовном плане?

Т.Ч. Для меня – да.

А.К. Или он духовно более близок другому времени? Если да, то какому? Северному Возрождению, Серебряному веку, какой-то другой эпохе?

Т.Ч. Арсений Тарковский писал:

*Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нём.
Вот почему со мною ваши дети
И жёны ваши за одним столом.*

Олег обладал пророческим мышлением и совершенно свободно перемещался во времени и пространстве. Его трогала, волновала история человечества как таковая. И особенно – история Нового Завета.

А.К. И последний вопрос. Со дня гибели Олега прошло 25 лет – четверть века, срок жизни целого поколения. В наши дни набирает силу новое племя, не знающее многого о тех условиях, в которых росли, трудились и погибали их предшественники. От «свинцового века» русской поэзии мы получили в наследство ряд загадок и тайн, главная из которых – мы сами. И в связи с этим невольно задумываешься – какой вопрос мог бы задать Олег нам, людям 20-х годов XXI века? О чём, по-Вашему, он мог бы спросить нас?

Т. Ч. Я не думаю, что Олег стал бы задавать вопросы. Скорее, он пожелал бы всем нам непостыдной кончины и доброго ответа на Страшном Суде.

В завершение хочу поблагодарить В. М. Физикова и Вас, Андрей, в связи с выходом в свет вышеупомянутых книг, посвящённых жизни и творчеству Олега. И Вы, и Вадим Михайлович сумели увидеть, прочувствовать, что есть всё-таки «пророк в Отечестве своём». И рассказать о нём благодарному читателю.